

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
3. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
4. Смоленская С. С., Давыдов М. В. Интонация как показатель энантиосемии слов и словосочетаний // Вестник МГУ. М., 1972 (Сер. Филология; № 3).

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

Н. В. БАГИЧЕВА
Уральский педуниверситет

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ТЕРМИНЫ РОДСТВА

Определяются модели, по которым образуются вторичные типовые значения русских терминов родства, выделяются типовые компоненты семантики, лежащие в основе указанных моделей, и лексические единицы, приобретающие соответствующие значения.

В современной семасиологии прочно утвердилось разграничение двух типов варьирования семантики слова — речевого варьирования и полисемии [4; 5; 9; 12; 14; и др.]. При полисемии слово обладает несколькими значениями, каждое из которых характеризуется особой понятийной и денотативной соотношенностью, а следовательно, различным набором семантических признаков и специфическими синтагматическими связями. Указанные значения могут иметь социально осознанный языковой статус или относиться к числу индивидуально-авторских, существующих только в конкретных коммуникативных условиях.

Полисемия порождает сложную и многоаспектную проблему смысловой структуры слова, под которой подразумевают не простую совокупность значений и употреблений слова, а некоторую «систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов» [11]. Иначе говоря, элементы смысловой структуры слова связаны друг с другом сложными иерархическими отношениями [1; 6; 8].

Описание лексико-семантического варьирования русских терминов родства требует предварительного обращения к проблемам структуры лексического значения, поскольку только правильно представив особенности значения того или иного термина родства, можно адекватно описать его модификации в языке и речи, выяснить потенциальные способности его употребления.

В основе традиционной теории компонентного анализа лежит представление о лексическом значении как о комплексе семан-

тических признаков, среди которых выделяются категориальные (объединяющие слова в группы) и дифференциальные (противопоставляющие слова внутри группы). Впервые на материале русского языка описание терминологии родства по компонентной методике было выполнено Т. П. Ломтевым, который выделяет такие аспекты конкретизации, как «пол», «поколение», «прямое и не прямое родство», «кровное и некровное родство» (ср. *отчим, мачеха, падчерица*) и «родство по супружеству» (ср. *теща, золовка, сват*) [7]. В последующих публикациях по системным связям в русской терминологии родства семантика основных терминов представляла собой практически один и тот же набор дифференциальных признаков: *отец* — «кровное прямое родство, мужская линия, предыдущее поколение»; *мать* — «кровное прямое родство, женская линия, предыдущее поколение»; *брат* — «кровное прямое родство, одно поколение, мужчина»; *теща* — «некровное прямое родство по супружеству, женская линия, женщина, предыдущее поколение». Однако эти немногочисленные признаки не в состоянии в полной мере отразить всю глубину реальной семантики слова.

Так, выделив в слове *мачеха* семы «юридическое родство, женская линия, женщина, предыдущее поколение», мы вовсе не должны считать, что полностью определили значение этой лексической единицы. Названные компоненты составили лишь ядро значения, которое окружено множеством ассоциаций — «злая, сварливая, несправедливая к приемным детям» и т. п. Эти признаки акцентируются в художественных текстах. Ср.: *Стеша со страхом ждала мачеху. Одно только слово «мачеха» рождало всевозможные представления, почерпнутые из страшных сказок о мачехе и падчерицах* (А. Кузнецова). Из этого контекста можно определить и ассоциативные признаки слова *падчерица* — «добрая, кроткая, трудолюбивая, терпеливо сносящая все несправедливые попреки мачехи, не знающая материнской заботы и ласки» и т. п.

Ассоциативные признаки относятся к периферии лексического значения, однако это вовсе не говорит о том, что они малозначимы для развития вторичных значений. Например, указанный выше ассоциативный признак слова *мачеха* — «несправедливая к приемным детям» — служит основой для метафорического использования в таких контекстах: *Не мать, а мачеха — Любовь: Не ждите ни суда, ни милости* (М. Цветаева); *Я понимаю, что для многих из вас [каторжников Сахалина] родина, наша великая, наша прекрасная, наша необъятная Россия, стала только злой мачехой* (В. Пиккуль). Ср. также: *Макаров писал, что непотопляемость — падчерица морского дела, флоты Европы пренебрегают ею, все внимание и деньги вкладывая в броню и пушки* (В. Пиккуль). В рассмотренных случаях ассоциативные признаки слова служат основой для метафоры, становясь более существенными в переносном значении.

Однако можно наблюдать и противоположный процесс. Нередко семы основного значения превращаются в ассоциативные признаки переносного и тем самым становятся основой для противопоставления и сближения слов во вторичном значении, образуя своего рода экспрессивно-стилистический фон. Наличие ассоциативных признаков способствует восприятию нового значения как производного, в котором одновременно присутствуют как бы два значения: первичное и вторичное. Как писал В. В. Виноградов, «основное значение слова никогда не погаснет до конца. Это значение всегда предполагается как фон и фундамент для дальнейших смысловых изменений слова. Оно причастно в той или иной степени переносным смыслам слова» [3, с. 21—22]. Следующие контексты подтверждают это положение.

Ср.: [Спиридонов] *взял ребенка на руки и продолжал говорить, обживая новое для себя обличье — не секретаря обкома, не лидера парламента — отца нации (М. Зараев). Ассоциативный признак вторичного значения слова отец — «кровное прямое родство, предыдущее поколение» — поддерживается контекстом: упоминание о ребенке, которого герой берет на руки, включает слово отец в семантический ряд отец — ребенок со значением «кровные родственники». Ср. еще:— А в Матросской Тишине по палатам ходит медбрат вот с такой здоровенной плеткой — как вдарит разок, так сразу позабудешь, какой у тебя диагноз!..— Ничего себе медбрат,— задумчиво скажет Ваня Сабуров.— Это по-настоящему медвраг какой-то, а не медбрат!.. (В. Пьецух). В первой реплике слово медбрат употребляется в прямом значении, актуализируется сема ядра «заботливый». Ассоциативный признак вторичного значения «свой, родной, не дающий в обиду» акцентируется в ответной реплике за счет противопоставления антонимичной семы «чужой, враждебный» в окказионализме медвраг. Ср. также: *Руководил депортацией майор Такаси Кумэда, и ему, знавшему русский язык, наверное, не раз приходилось слышать с палуб отплывавших от Сахалина кораблей:— Да будь ты проклят, зараза паршивая! Ты не сын Страны восходящего солнца — ты просто сукин сын... (В. Пиккуль). Здесь актуализация ассоциативных признаков «родственный» — «безродный» наиболее ощутима за счет противопоставления высокого и низкого стилей.**

Разграничение семантических (а среди них — категориальных, дифференциальных и интегральных) и ассоциативных признаков имеет важное значение для исследования закономерностей лексико-семантического варьирования, но это лишь один аспект соотношения сем в структуре значения. Между тем развитие у терминов родства вторичных значений, возможность речевого варьирования их семантики могут определяться и рядом других существенных свойств, характерных для компонентов лексического значения. Наиболее важным в этом отношении

является разграничение ярких (приоритетных) и затемненных (слабых) признаков словесной семантики, о чем писал в свое время Ю. А. Тынянов (см. [10, с. 77—78]).

Яркими могут быть и категориальные, и дифференциальные, и ассоциативные, и интегральные семы. Речь в данном случае идет о тех признаках, которые лежат «как бы на поверхности языкового сознания. Такие семы первыми приходят на память, легко формулируются на метаязыке. Носитель языка, если его просят объяснить значение слова, называет эти семы в первую очередь» [10]. Иными словами, чем ярче та или иная сема, тем больше она создает возможностей для метафорической экспансии слова. Опираясь на этот критерий, заметим, что в значении слова *муж* достаточно яркими будут не только те признаки, которые отражены в словарном толковании «некровное прямое родство по супружеству, мужчина, одно поколение», но и «забота о жене, детях, материальном достатке семьи» и т. п., которые очень часто акцентируются и в речевой практике. Ср.:— *А у меня общественный муж есть — производственное объединение «Тамбовагроомонтаж», — смеется в ответ мать многочисленного семейства. — Оно мне и дом за месяц поставило, и мебель в него завезло, и бдит, чтобы в нем ничего не сломалось и не прохудилось... а на рыбалку, в ночное его не возьмешь, за руль велосипеда не посадишь* (В. Мухин).

Непосредственное отношение к исследованию закономерностей семантического варьирования имеет противопоставление личностных (они могут быть и групповыми) и системных компонентов лексического значения. Коммуникативная специфика терминов родства во многом определяется тем, что для этой группы слов особенно характерно развитие личностных сем. Речь идет о тех компонентах семантики, которые существуют лишь для конкретного человека (или группы людей) и возникают «независимо от собственной семантики слова и от экспрессивно-стилистической значимости, присущей ему в общенародном языке» [13, с. 107]. Варианты употребления личностных сем зависят от различного жизненного опыта говорящих, контекстуального окружения, в котором данное слово им встречалось, особой роли предмета или явления, обозначаемого словом, в жизни конкретного человека, ассоциативных звуковых сближений и многих других причин.

Например, герой пьесы Л. Петрушевской «Вставай, Анчутка!», пытаясь помирить поссорившихся родственников, произносит: *Люди должны оставаться людьми, даже родственниками*. На первый взгляд, это двойной алогизм, так как, во-первых, люди — это всегда люди, во-вторых, родственники — тоже люди. Первую часть высказывания можно интерпретировать следующим образом: люди всегда должны действовать по законам общечеловеческой морали. Для адекватного понимания всего высказывания необходимо учитывать смысл всей пьесы. Анчут-

ка помогла чужому человеку (т. е. действовала «по-людски»), чем обидела родственников (так как поступила не «по-родственному»). Очевидно, что периферийная сема в составе значения слова *родственники* — «помогают в беде» модифицируется в личностную — «должны помогать друг другу в первую очередь».

Личностные семы могут быть положены в основу метафоры. Такая метафора относится к числу индивидуально-авторских, занимая совершенно особое место среди других метафор: она слабо предсказуема с точки зрения системной семантики слова и вне контекста малопонятна абсолютному большинству говорящих на данном языке. Ср.:— *Его [крестьянина] жизнь — отлаженный, целенаправленный трудовой день, а крестьянская семья — все равно что бригада на заводе. Уведите со двора корову — и весь уклад семьи, и трудовой, и бытовой, полетит вверх тормашками. Корова для крестьянина не только машина, производящая молоко, а полноправный, иногда самый необходимый член семейного организма.— Эх ты, горе-теоретик!— Роман Гаврилович рассмеялся.— Выходит, корова родня мужику? Кума? Племянница?* (С. Антонов).

Мы рассмотрели факторы, имеющие наибольшее значение для семантических преобразований терминов родства: характер семы (основная или ассоциативная), ее принадлежность к категориальным, дифференциальным или интегральным, ярким или слабым, системным или личным. В большинстве случаев наличие той или иной семы с определенными свойствами создаст лишь возможность для того или иного употребления слов.

Перейдем к описанию наиболее типичных лексико-семантических вариантов существительных, обозначающих отношения родства. Материалом для наблюдения послужили художественные и публицистические тексты современных русскоязычных писателей (более трех тысяч фраз). В ходе анализа выявлено около двухсот пятидесяти случаев употребления терминов родства во вторичных значениях, как прямых, так и переносных. Случаи употребления терминов родства в основном значении нами не рассматривались, так как для выяснения коммуникативной потенции языковых единиц они не представляют интереса.

В речевом акте наблюдаются две основные разновидности реализации системного значения терминов родства: прямое употребление и переносное. При прямом употреблении слова обозначается традиционный референт, который изначально, «по традиции», соотносится с данным словом и в котором имеются все признаки системного денотата слова. При переносном употреблении слова предмет номинации ясен из самой коммуникативной ситуации, в данном же случае, при переносном употреблении терминов родства, он используется для той или иной характеристики предмета, при этом актуализируются диктуемые

коммуникативной задачей компоненты значения. Наибольший интерес представляет индивидуально-авторское (окациональное, разовое) употребление.

Наблюдения над семантикой терминов родства позволили сделать следующий вывод: в переносном значении чаще всего употребляются слова, полностью нейтрализующие в своем значении сему «лицо», тогда как в прямом — сему «родство». Кроме выделенных групп терминов родства можно отметить группу слов, нейтрализующих в своем значении дифференциальные признаки («кровное», «некровное», «юридическое родство» и т. д.). Деление на эти три группы явилось основанием для описания лексико-семантических вариантов слов, обозначающих отношения родства.

При описании значения слова в коммуникативном акте все ядерные компоненты перечисляться не будут, так как это привело бы к необходимости полной лексикографической разработки каждого термина родства. В связи с поставленной нами задачей — описанием лексико-семантических вариантов терминов родства в коммуникативном акте — мы сочли возможным указывать лишь актуализированные семы в составе значения.

Нейтрализация семы «лицо». Как уже отмечалось выше, в этой группе термины родства употребляются в переносном значении, т. е. соотносятся одновременно с двумя денотатами: переносного (собственного) значения и основного.

Самыми частотными в этой группе будут слова *мать, матушка*, употребляемые в качестве приложений со словами *земля, родина, Россия, Москва* и т. п. Нетрудно заметить, что в состав этих слов также входят ассоциативные признаки «самое дорогое для человека», «давнее жизнь» и др. Это подтверждают примеры из художественных текстов. Ср.: *И лишь одно название было всем дорого и понятно, как, скажем, мать или хлеб,— Россия* (Е. Носов).

Рассмотрим наиболее типичные случаи употребления этого термина в речи. Ср.:— *Россия,— говорил он,— никогда не была для меня матерью. Я человек вполне новой формации, и мне вообще смешна сама мысль, что какую-то страну можно любить только потому, что там родился...* (В. Пикуль). Актуализированная сема «давняя жизнь» поддерживается глаголом *родился*, в семантике которого есть тот же признак. Ср. также: *Ничтожная Япония злодейски размахнулась на великую и могучую матушку-Россию!.. Надеюсь, что и сейчас все мы, как единая дружная семья, встанем...* (В. Пикуль). Актуализирована архисема «родство», которая поддерживается существительным *семья* той же семантической группы, что и *мать*. Ср. еще: *Дошкандыбаю до своей матушки-Волги — такие страдания разведу, елки-шишки посыпятся!* (Е. Носов); [герой уходит на войну]— *Ну, матушка Остомля,— проговорил он виноватой скороговоркой.— Прости-прощай. Какие будем пить воды-реки, в какой стороне —*

пока незнамо (Он же). В этих двух контекстах слово *матушка* относится к названиям рек, на берегах которых прошло детство героев. Актуализирована сема «самое дорогое, без чего не мыслится жизнь».

Рассмотрим особенности употребления терминов родства в окказиональном переносном значении. Денотаты, о которых говорилось выше (Россия, Москва), получают здесь совсем иную характеристику. В качестве приложений с ними используются слова *вдова*, *вдовица*. Так, вдовой называет Москву! Ю. Уваров в стихотворении «Трамвайное кольцо»: *Москва, Москва моя, вдова...* Адекватное понимание этого слововопотребления возможно лишь при учете смысла целого стихотворения, которое воссоздает атмосферу одиночества, утраты моральной и материальной поддержки слова *бомж*, *душа томится* и т. п.).

Ср. также: *То ли жена Россия, то ль вдовица. // Куда ни глянь — хозяйской нет руки: // Худая кровля, капает водица // В пустые миски — впору выть с тоски* (Л. Савинская). Актуализируются семы «одиночество», «отсутствие опоры в жизни», поддерживающиеся контекстом (запущенность в доме, пустота, бесприютность, отсутствие мужа-хозяина). Первая метафора *жена Россия* должна, казалось бы, привнести противоположные ассоциации, однако этого не происходит. Весь последующий контекст выступает как антитеза метафоре и разрушает ее. Грамматически это обозначено разделительным союзом *то ли... то ли*, выражающим отношения взаимоисключения.

Интерес представляет использование других терминов родства в переносном значении. Ср.: *Вы отдаете себе отчет, что у этой ели было имя? Елена Александровна, да! Она была его дитя, и он ее растил! Она укрепила своим корнем эту землю!.. Вы бы видели, как он убивался над этой елью!.. Бинтовал!* (Л. Петрушевская). Актуализированы признаки «требующий защиты, заботы». Ср. также: [беглецы спасаются от погони, туман не смог укрыть их] *То, что не по силам было брату туману, сделала сестра фольга: накрыла «Вавилонию» многокилометровым шатром, спрятала от электронных лучей, оторвала смертельные шупальца* (И. Ефимов). Актуализированы признаки «самые близкие, оказывающие помощь в любых обстоятельствах». Ср. еще: *Этот народ нельзя оставить без постоянных правильных разъяснений. Этот народ нельзя держать в неуверенности. Революция оставила его сиротой и безбожником, а это опасно* (А. Солженицын). Актуализированы признаки «лишенный поддержки, заботы». Или: *Для Мити комод был таким же привычным членом семьи, как папа и мама, а мама, стирая по утрам пыль с узоров, разговаривала с комодом ласково, по-деревенски, будто то был не комод, а буренка* (С. Антонов). Включение слова *комод* в семантический ряд «папа — мама — комод» актуализирует признак «то, без чего нарушится привычный уклад жизни».

Нейтрализация семы «родство». В этой группе термины родства употребляются в прямом значении. Как мы уже отмечали, основное значение не рассматривается. При анализе вторичного значения будут отмечаться семы, которые связывают его с основным. Актуализируясь, они, как правило, входят в ядро значения.

В этой группе наибольшую активность проявляют такие термины родства, как *отец, сын, дочь, дети, брат*. Ср.: *Беззаботная страна может спать, но Отец ее спать не может!* (А. Солженицын). Актуализирована сема «заботящийся», которая поддерживается контекстом: *не может спать*, т. е. бдит, заботится. Ср. также: *Да я Федота Федотыча с малолетства знаю. Он меня из детприемника взял, одел, выкормил и к труду приспособил... Да он всей Сядемке отец был* (С. Антонов). Актуализирована сема «покровительствующий». Контекстные партнеры слова *отец* акцентируют семы, составляющие содержание его значения (*одел, выкормил, к труду приспособил*). Ср. еще: *Он ушел на завод, а когда Отец народов скончался и разобрались, что он не отец и даже не отчим, Константин вернулся в институт и комсомол* (Н. Леонов). Вторичное значение слова *отец* связано с основным через ассоциативный признак «заботящийся». Сема «родство» перемещается из ядра на периферию, но поддерживается контекстом, содержащим термины родства для обозначения отцовства в основном значении: *отец и отчим*. Налицо явный, причем двойной, алогизм (*отец — не отец и отец — не отчим*), который исключает из значения слова *отец* (первое употребление в этой фразе) дифференциальные признаки «кровное и юридическое родство». Частица *не* привносит отрицательную оценку и нейтрализует сему «заботящийся». Таким образом, *Отец народов* — это человек, который лишь называет себя отцом, но не является и не выполняет, даже формально, основные обязанности отца.

Слова *сын, дочь, дети* развивают одинаковые вторичные значения, так как в основном значении имеют общие дифференциальные признаки «кровное прямое родство, последующее поколение». Сема «кровная, тесная связь» актуализирована в следующих контекстах. Ср.: *Человек, сделавший первый шаг в космическое пространство, сын России, был, казалось, и сыном всей планеты...* (М. Найдич); *Как жилось Соне в роли первой дамы Индии? Соотечественники, не в пример свекрови, не спешили отдать должное ее самоотверженному стремлению стать дочерью этой страны. Долгое время она оставалась подозреваемой иностранкой...* (Л. Третьякова); *Родина-мать, десятилетиями топтавшая своих детей, постепенно приходит в себя и кается* (В. Беллис).

Сема «родство» нейтрализуется также в терминах родства, выступающих в роли обращений к людям и животным. В этих случаях актуализируется сема «объединенные общей судьбой,

интересом, целью». Ср.: *Радио? Радио, оно и есть радио, а жизнь, она, брат, не по радио идет, она, брат, о-го-го!...* (В. Астафьев);— *Эх, братья-славяне!*— с горькой веселостью воскликнул *Самоходка*.— *Мне бы девчоночку!* (Е. Носов);— *Ну что, брат?*— с душевной тоской спросил он пса.— *Тебе, я вижу, стало жаль меня...* (В. Пиккуль).

Нейтрализация дифференциальных признаков. К этой группе относятся термины родства, обозначающие юридическое (*отчим, мачеха, пасынок, падчерица*) и некровное по супружеству родство (*тесть, теща, свекор, свекровь, невестка, зять*). В коммуникативном акте они заменяются на синонимичные слова, обозначающие кровное родство (*мачеха — мать, зять — сын*), или подобные аналитические конструкции (*свекровь — мама мужа*). Такая замена по понятным причинам носит интимный характер.

Например, герои повести А. Кузнецовой «Честное комсомольское» вкладывают разный смысл в слова *мать* и *мачеха*. Для Александра Александровича, знающего, что между падчерицей и ее мачехой нет душевной близости, взаимной симпатии, принципиальным является употребление слова *мачеха*. Актуализируются ассоциативные признаки «недобрая, несправедливая к падчерице». Алевтине Илларионовне важна чисто формальная сторона вопроса. Ср.:— *...у меня была мать Стефании Листковой...*— *Мачеха,— поправил Александр Александрович. Алевтина Илларионовна вскинула плечи; это означало: мать или мачеха — все равно.* Ср. также: *Отец у меня выдающийся. Не отец, отчим. Но воспитывал меня с раннего детства, с четырех, что ли, лет* (А. Иванченко). Актуализирована сема «воспитывающий», которая поддерживается контекстом. Ср. еще: [о мачехе]— *У нас настоящая свадьба,— ответила Наташка.— Папа женится... Теперь у меня тоже будет мама,— не унималась Наташка.— Я ее уже полюбила* (В. Железняков). Как видим, употребление терминов кровного родства является здесь выражением любви, симпатии, доверия. Ср. также: [о падчерице] «...У моей дочери ...у моей дочери (разрядка моя.— Н. Б.)»,— как дурак, твердил я про себя. Я здорово обрадовался, когда наконец почувствовал значение ее слов. Выходило, что она любит Наташку, раз называет своей дочерью (В. Железняков). Слово *дочь* выделяется интонационно; актуализируется сема «кровное родство».

Замена терминов некровного родства по супружеству связана также со стремлением говорящих приблизить родство, потому что чаще всего слова *теща, свекровь* вызывают негативные ассоциации («злобная», «сварливая», «нарушитель семейного спокойствия»). Это именно признаки слов: в действительности далеко не каждая теща или свекровь вызывает указанные ассоциации. Поэтому замена терминов родства в этом случае — процесс, носящий личностный характер. Ср.: *Жених тоже всем*

понравился, ...тихий, уважительный, Ивана Егоровича с Марьей Тимофеевной сразу родителями, отцом с матерью стал звать (И. Евсенко). Ср. также: Ланин звал ее тещу мамашей и любил за спокойный, ровный характер, за мудрость, а еще больше за способность гасить семейные ссоры (А. Жуков); [све-кровь о себе]— Я мама мужа вашего... Я вам не чужой чело-век. Я мать (Л. Петрушевская).

Рассмотренный материал позволяет убедиться в важности анализа компонентов лексического значения русских терминов родства, выделить наиболее существенные с точки зрения лексико-семантического варьирования противопоставления признаков (дифференциальных, интегральных, категориальных и ассоциативных) и сем (ярких, затемненных, системных / личностных), установить коммуникативные потенции терминов родства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Блумфилд Л. Язык. М., 1968.
2. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. № 5.
3. Он же. Стиль Пушкина. М., 1941.
4. Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
5. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
6. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
7. Ломтев Т. П. Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики (термины родства в русском языке) // Филологические науки. 1974. № 2.
8. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
9. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
10. Тынянов Ю. А. Проблемы стихотворного языка. М., 1965.
11. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962.
12. Чудинов А. П. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.
13. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
14. Он же. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

С. В. ПЛОТНИКОВА
Уральский педуниверситет

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛОВ С ВЫСОКОЙ ЧАСТОТНОСТЬЮ

На основе отобранных по словарям наиболее употребительных русских глаголов решается вопрос о том, насколько влияет высокая частотность употребления глаголов в речи на развитие его многозначности, анализируется распределение высокочастотных глаголов по ЛСГ.

Большое значение для характеристики лексической системы имеют данные о частотности употребления слов в речи. Выявлению закономерностей соотношения между частотой употреб-